

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ю. В. ШВЕДОВА

О некоторых синтаксических особенностях Жития Арсения Новгородского

Общеизвестно, что житие относится к числу «высоких» жанров средневековой литературы, становление которого имеет длительную историю. Зародившийся в первые века христианства, в VI веке жанр утверждается в своем классическом, канонизированном виде¹. С принятием христианства Русь наследовала предшествующую традицию, оригинальные жития создавались с ориентацией на каноны, выработанные византийской агиографией. Тесная связь с основным корпусом текстов, высокая степень сакральности повествования требовали от авторов житий четкого следования канонам и употребления стандартной разновидности церковнославянского языка.

Но вместе с тем с самых ранних времен существования этого жанра (уже в ранний киевский период русской агиографии) в житийные тексты проникали такие элементы, которые не отвечали требованиям житийного канона. Наиболее ярко отклонения от правил житийного жанра проявились в севернорусских житиях XVI–XVII вв. Л. А. Дмитриев указывал на такие отличительные особенности северных житий, как их повествовательный характер, отказ от пространственных риторических рассуждений, тесную

связь с устными местными преданиями, а также «внесение в житийные тексты бытовых, если можно так

сказать, «низких» для этого жанра эпизодов и литературных приемов, более заметное и непосредственное проявление в житийном произведении авторского начала»².

Среди возможных причин «упрощения» житийного жанра на Севере в XVI–XVII вв. В. О. Ключевский назвал повышение интереса читателей к повествовательной литературе: агиография привлекала как душеспасительное чтение с интересным, захватывающим сюжетом, где на первом плане уже не морально-нравственный аспект (хотя он, безусловно, очень важен), а острота сюжетной коллизии³.

Интересным примером самобытности севернорусских агиографических памятников является Житие Арсения Новгородского, созданное на рубеже XVII–XVIII вв. Одна из редакций этого жития примечательна тем, что в ней рассказы о посмертных чудесах отличаются от всего предшествующего повествования — жизнеописания святого и первого рассказа о чуде — как в литературном, так и в лингвистическом отношении.

Повествование в основной части этого памятника достаточно традиционно для тек-

Работа выполнена по гранту Президента РФ МК-6683.2006.6

стов житийного жанра: автор, следуя известной композиционной схеме, излагает события жизни святого от рождения до смерти и заканчивает описанием его торжественного погребения и молитвенным обращением братии к святому. Рассказ о жизни святого содержит ряд характерных для житий клише: святой с самого детства был устремлен к Богу, проводя день и ночь в молитвах и воздержании; он всячески стремился избежать брака и стать иноком и т. д.

Рассказы о чудесах резко отличаются от основной части жития, они представляют собой записанные со слов очевидцев короткие заметки, изложенные некнижным языком, явно нуждающиеся в литературной обработке.

Некая благочестивая жена ивановская Мартынова, соколзнула *(так!)* с плота въ воду в реку Волховъ и быстриною пот плот водами поднесло, и живота своего отчаяла. Молила чудотворца преподобнаго Арсенія, и доколе жива будет ему молебны пети по вся годы с приношением по силе обещалася творити. Из глубины ея под другимъ потоком *(так!)* и на третій выкинуло, яко рукама вонъ. и здраву и невредиму. И прослави*а [буква *перед а не прочитывается, определено, это не л, похожа на часть ш; на л. 210 — прославивши]* вна великая его чюдеса пред многимъ народом, сказа всемъ что внъ ея из глубины избавиль⁴ (л. 209).

Некіи богобоязныи служилыи тогож Новаграда, именем Андрей житіе имея свое близ монастыря того, за Миронѡсицкимъ храмом и держа ему чудотворцу велію веру стрелець будучи на службе занемогъ у него конь, и внъ обещался святому и милости прося, будет и оздоровится, и домой приехал продат, и те денги святому дат все (л. 209).

Этот памятник является красочной иллюстрацией наблюдений Л. А. Дмитриева за особенностями севернорусских житий, который отмечал, что именно в разделе посмертных чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением строгих правил житийного жанра, с рассказов о чу-

десах начинается разрушение житийного канона⁵.

Необходимо отметить, что на раздел чудес жития Арсения обратил внимание исследователь И. А. Шляпкин, он опубликовал их в Библиографической летописи (в 1917 г.), сопроводив следующим комментарием: «Любопытно, как нескладно борется в нескладном описании чудес плохо усвоенная церковная стихия с простонародной речью»⁶.

Однако полностью этот памятник не издан, нет и его текстологического исследования. Мы обратились к списку РГБ, ф. 299, №374 (XVIII в.). Предположительно, этот список совпадает с рукописью БАН, Устюжское собр., №55, нач. XVIII в. Рукопись БАН идентична рукописи Устюжского собора, №63, по которой И. А. Шляпкин опубликовал чудеса Арсения.

Раздел чудес жития в рукописи РГБ отличается от опубликованного И. А. Шляпкиным тем, что он не содержит последнего шестого чуда, четвертое (последнее) чудо в списке РГБ объединяет два рассказа о чудесах (4-е и 5-е) в издании Шляпкина. Другие несовпадения между списками носят более частный характер.

Анализ грамматики этого памятника показал, что наиболее ярко различие между двумя частями текста проявляется, как и следовало ожидать, в употреблении форм прошедшего времени и в синтаксисе. Так, идущие из живой речи формы на –л употребляются только в рассказах о чудесах (*соколзнулаь, поднесло, молила, отчаяла* и т. п.). В основной части жития, напротив, используются почти исключительно книжные формы прошедшего времени — аорист, имперфект и перфект.

Любопытно, что при очевидной разнице между двумя частями текста создатель исследованного списка не попытался заменить л-формы, осознаваемые как некнижные, на соответствующие книжные формы. Впрочем, он, очевидно, вообще не ставил перед собой задачи отредактировать имеющийся текст. Отметим также, что в исследованном списке лист 209, на котором помещены чуде-

са (начиная с середины второго), полностью переписан на листах 210 и 211 другим писцом, который попытался внести в имеющийся текст определенные изменения: в частности, он заменил пять л-форм, при этом, правда, одну л-форму, которой не было в первом варианте рассказов, он добавил.

Синтаксис раздела чудес максимально близок синтаксису разговорной речи. Большинство рассказов оформляется по принципу нанизывания предикативных единиц: *...Пономарь уронила ключи... и житія отчаялся своего, и обещался чюдотворцу молебное творит и взять грабли и шедь нача искати и на грабли яко же руками положи и взяль и прославиль чюдотворца* (л. 209 об.). При этом граница между предикативными конструкциями с разными субъектами не обозначена, сказуемые, называющие действия разных субъектов, оформляются как однородные: *нача искати* (пономарь) и *на грабли яко же руками положи* (чюдотворная сила). Одной из особенностей разговорной речи является «обилие незамещенных синтаксических позиций в конструкциях, которые в КЛЯ [кодифицированном литературном языке] имеют «полное строение»⁷. В нашем примере опущено подлежащее у сказуемого *положи*, причем пропуск этого члена не восполняется другими языковыми средствами, однако подлежащее здесь восстанавливается из ситуации: нетрудно догадаться, что ключи положила какая-то сверхъестественная сила. В этом проявляется еще одна важная черта синтаксиса разговорной речи — ее «конситуативность», зависимость от внеязыковой ситуации. (Ср.: *Вот эти коричневые* покажите пожалуйста (пропущено *туфли*); (разговор во время завтрака) Тебе с сыром или с колбасой? (не выражено *сделать бутерброд*)⁸.

В рассказах о чудесах можно наблюдать и характерное для не книжной письменности нарушение так называемого принципа проективности: когда внутрь словосочетания вклинивается слово или группа слов, ни к одному из членов словосочетания не относящиеся⁹: *Молила чюдотворца преподобнаго*

Арсенія, и доколе жива будет ему молебны пети по вся годы с приношением по силе обещалас творити. В данном случае разрывается сочетание *молебны пети обещалас*. Это явление широко представлено в новгородских берестяных грамотах: *Жизнобоуде погоублене оу Сычевици новгородьске смьрде* ‘Сычевичами убит Жизнобуд, новгородский смерд’ (607/562 (XI)) и др.

В нашем примере можно наблюдать наложение одной предикативной конструкции на другую: *молебны пети обещалас > обещалас* творити. Это также является особенностью разговорной речи, для которой характерно взаимопроникновение предикативных конструкций. Ср.: *Полотенце принеси чистое; Шапка не видел где моя? Я завтра тебе дам почитать ты хотел статью*¹⁰.

Последнее чудо, в котором, как показано выше, соединены два рассказа, также является примером построения текста по принципу нанизывания предикативных единиц. Стремление сократить текст доводит писца до того, что повествование здесь оформляется с использованием практически исключительно глагольных форм: *Строитель инокъ той же вбители Юасаф родом Остречининъ насмеялся чюдотворцу говорил напрасно ему молится и тож число бросило ево с крыльца, и сламало, и покаялся и молился ему прощение і умре инокъ ево монастыря, поехав за Онегу ево похулиив и простяс и там ево убили* (л. 209 об., 210 об. — 211).

В рассказах о чудесах отмечается еще одна характерная для разговорной речи конструкция: *Некіи богобоязныи служилии тогож Новаграда, именов Андрей житіе имея свое близ монастыря того, за Миронвсицкимъ храмом и держа ему чюдотворцу велію веру стрелець будучи на службе занемогъ у него конь* (л. 209 об., 210 об.). Причастие (фактически деепричастие), называющее действия одного субъекта, примыкает к глаголу, называющему действия другого субъекта. Подобные конструкции широко представлены в приказном языке XVII в.¹¹ Они фиксируются и в современных говорах: *Еще не дошовши до вокзала едет куда-то пожар-*

на дружина (Пск. обл.); голова закружилась писатши (Тверск. обл.) [Кузьмина, Немченко 1971, с. 238, 276]. Ср. у А. П. Чехова: «Подвезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Яромонкин» («Жалобная книга»).

Еще раз подчеркнем, что синтаксис рассказов о чудесах, добавленных к основному тексту жития, не просто не соответствует стандартному церковнославянскому, напротив, он близок живой речи, разговорному языку. Здесь обнаруживаются такие отличительные черты синтаксиса разговорной речи, как нарушение принципа проективности, наличие незамещенных синтаксических позиций, отсутствие четких границ между предикативными конструкциями с разными субъектами, взаимопроникновение и наложение предикативных конструкций, характерная для живой речи причастная конструкция.

Если обратиться к другим аспектам грамматики, то близость языка раздела чудес к живой речи в них не имеет столь яркого проявления. В рассказах о чудесах употребляются книжные формы: Тв. дв. **рукама выкинуло яко рукама вонъ** (л. 209 = 210); М. мн. (в тех же) **годех** (л. 209 = 210); В. мн. муж. **уронил ключи церковныя** (л. 209 об. = 210 об.); И.-В. ср. мн. **прославивши она великая его чюдеса** (л. 209); В. мн. муж. **мягк. молебны пети по вся годы** (л. 209). Помимо л-форм, показательных черт живого языка в области морфологии здесь немного.

Вместе с тем в основной части жития, несмотря на очевидную ориентацию автора на книжную норму, также обнаруживаются отдельные формы из живого языка: М. ед. *jo*-склонения **на Ярославле дворищи**, Р. ед. атематического склонения **дня (наставшу первому часу дня)**, И. мн. посетители; адъект. скл.: И. мн. муж. **благочестивіе (царіе)**, Р. ед. ж. **во время чигирин'ской службы**; скл. неличных мест.: В. мн. м. рода **тыи**, Р. мн. **иныхъ**. Некоторые формы диалектные: Д. ед. тв. *a*-скл. к **ризы**, Р. ед. *o*-скл. **согреянію малаго ради**, И. мн. ср. атем. скл. **имены**. Они свидетельствуют о северо-западном происхождении памятника.

Отклонения от книжной традиции отмечаются и в употреблении глагольных форм: использование форм аориста, имперфекта и причастий с нарушением согласования; императив **даждьте, да дадите**. В этой части текста прослеживается тенденция к гиперкорректному употреблению книжных форм, которая наиболее ярко проявляется в использовании форм двойственного числа (существительных, местоимений, глаголов) там, где они грамматически неуместны.

Таким образом, язык основной части жития можно квалифицировать как гибридный церковнославянский, но гибридность здесь не является следствием установки автора. Достаточно очевидно, что автор ориентировался на стандартный тип языка, отклонения от норм которого можно рассматривать или как случайные ошибки, или как результат недостаточно совершенного владения автором книжной грамматикой.

Язык рассказов о чудесах также гибридный, причем по некоторым аспектам он фактически близок к русскому. Создатель этой части явно не имел установки следовать нормам стандартного языка, хотя и в его повествовании отмечаются маркированно книжные употребления. Различие между двумя частями текста наиболее ярко проявляется в системе форм прошедшего времени и в синтаксисе.

Наблюдения за лингвистическими особенностями Жития Арсения Новгородского очень наглядно демонстрируют трансформацию авторского самосознания и восприятия книжного текста. Если первая, собственно житийная, часть памятника является отражением теоцентрического сознания книжника, то вторая — характеризуется чертами, более характерными для антропоцентрического сознания, — здесь можно наблюдать авторское осмысление текста, попытку интерпретировать описываемые события, акцент на сюжетной коллизии. Это влечет за собой изменение лингвистической стратегии автора, причем выбранная стратегия полностью поддерживается позднейшими переписчиками, которые даже не пыта-

лись внести редакторской правки в существующий текст.

¹ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Петроград, 1914. Введение. С. 1-43; Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1974. С. 218.

² Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 7. См. также: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР. Л., 1972. Т. XXVII. С. 181-202. Дмитриев Л. А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий: (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов / Доклады советской делегации, Варшава, 1973. М., 1973. С. 400-418.

³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 367-371.

⁴ Рукописный текст передается с некоторыми упрощениями: надстрочные буквы вносятся

в строку курсивом, «ять» передается как «е», наиболее распространенные слова под титулом пишутся полностью (Богородица, Господь, монастырь).

⁵ Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР. Л., 1972. Т. XXVII. С. 193.

⁶ См.: Шляпкин И. Библиографические разыскания в русских и зарубежных библиотеках по славяно-русской письменности: (Петровская эпоха). Чудеса преподобного Арсения Новгородского // Библиографическая летопись. СПб., 1917. Т. 3. Отд. 2, Статьи и сообщения. С. 3-6.

⁷ Русская разговорная речь. М., 1973. С. 288.

⁸ Там же. С. 290, 19.

⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 171-172.

¹⁰ Русская разговорная речь. С. 399.

¹¹ Кортава Т. В. К проблеме персонифицированного изучения московского приказного языка: языковая компетенция подьячего Алимарцана Бабаева // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию проф. Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 116.